

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

КЮННАП А.

ИССЛЕДОВАНИЕ САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ (1975—1984)

За десять лет, прошедших после публикации обзорной статьи Н. М. Терещенко [1], в самодийском языкознании достигнуты значительные успехи. Следует отметить, что многие проблемы, рассмотренные в статье, сохраняют свою актуальность и поныне, поэтому здесь мы постараемся дать лишь обозрение сделанного в этой области после появления статьи Н. М. Терещенко, т. е. начиная с 1975 г.

Задачи современного исследования самодийских языков, одних из языков малых народностей Севера, становятся особенно ясными в свете Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера». Само собой разумеется, что самодийское языкознание развивается не обособленно: нужны не столько отдельные факты по самодийским языкам, сколько обобщения, сделанные на основании сопоставительного и сравнительно-исторического изучения этих языков. Давно стало научным фактом, что самодийские языки генетически родственны между собой и с финно-угорскими языками. Имеются данные о существовании исторических и современных связей с такими языковыми семьями, как алтайская, индоевропейская, а также с разными палеоазиатскими и другими языками.

Самодийские языки по сей день остаются явно недостаточно изученными во многих своих аспектах. Исследовательскую работу тормозит и то, что по этим языкам опубликовано очень мало лингвистического материала. Поэтому необходимо издавать накопленные полевые записи и переиздавать редкие или труднодоступные публикации более раннего периода. Укажем здесь лишь на самые крупные публикации языкового материала, появившиеся в виде отдельных книг.

Книга финского ученого П. Саммаллахти [2], вышедшая в 1974 г., содержит материал по восточному говору лесного диалекта ненецкого языка, записанный им осенью 1971 г. в Ленинграде от носительницы этого диалекта, уроженки с. Харампур на р. Пур. Работа состоит из грамматического очерка, двух коротких текстов и словаря. Ценность этого материала для изучения фонетики самодийских языков заключается в том, что здесь представлены точная транскрипция, тонкие наблюдения автора над явлениями ударения и интонации в говоре, хорошая систематизация и верный, на наш взгляд, синхронный и диахронный морфонологический анализ. Заслуживают внимания замечания автора о порядке слов. Парадигмы словоизменения иллюстрируются примерами, приведена фразеология. Тем самым книга выходит далеко за рамки сборника языковых материалов, она представляет собой значительное научное исследование в области описательного и исторического изучения самодийских языков. В 1975 г. вышел из печати словарь лесного диалекта ненецкого языка Я. Н. Поповой [3], содержащий большое количество новых языковых данных. Составители энецкого словаря [4] М. Кацшманн (ФРГ) и Я. Пустай (ВНР) собрали и систематизировали весь известный им лексический материал по энецкому языку, разбросанный по многим самым различным печатным

источникам. Прделана большая и очень нужная работа, хотя и не свободная от неточностей и ошибок.

Три книги по селькупскому языку составил Х. Катц (ФРГ). В первой [5] сосредоточены опубликованные ранее данные, которые в начале нашего столетия финский исследователь К. Доннер собрал в среде носителей тымского диалекта селькупского языка. Во второй [6] приведена полная фотомеханическая копия книги архиепископа Макария на селькупском языке «Беседы...» (Томск, 1900). Третья книга [7] состоит из опубликованных ранее текстов и отдельных предложений по диалектам и говорам селькупского языка; автор так и называет ее — хрестоматия. Во всех трех книгах материал систематизирован, тщательно проанализирован и прокомментирован, приведен также в фонологической транскрипции, снабжен словарем. Таким образом, книги представляют собой ценные исследования синхронного, отчасти и диахронного плана. Но полное недоумение вызывает стремление Х. Катца создать для себя некий абстрактный, «правильный» селькупский язык, язык-эталон, отклонения от норм которого он считает неточностями записи, ошибками исследователей. При этом остается неясным, на какой основе создается этот эталонный селькупский язык. Можно с большой степенью уверенности предполагать, что Х. Катц едва ли когда-нибудь имел возможность слышать живую речь носителей селькупского языка, а ведь только это дает определенное право сомневаться в точности записей того или иного исследователя.

Е. А. Хелимский свел воедино и представил в виде алфавитного перечня весь языковой материал, содержащийся в первых четырех книгах на селькупском языке, изданных П. М. Григоровским в 1879 г. [8]. Диалектологическую принадлежность языка книг он определил как говор Нижней Чаи. В двух сборниках текстов народов Сибирского Севера [9, 10] мы находим большую редкость — 7 страниц записи фольклорного и бытового текста по энецкому языку и 34 страницы такого же текста по иганасанскому языку. Автор этой статьи опубликовал 12 страниц камасинского текста, записанного им у последней носительницы языка К. З. Плотниковой [11, 12]. Следует также отметить статью Е. А. Хелимского, в которой содержится источниковедческий анализ ряда рукописных и редких печатных лексикографических материалов по саяно-самодийским языкам [13].

В публикациях нового самодийского языкового материала бросается в глаза разноречивость в системе его графической фиксации. Используются различные способы транскрипции языка как на основе латинской, так и русской графики, причем сильно варьируются фонетическая точность и тем самым арсенал диакритических знаков. Многие авторы пользуются своей «личной» транскрипцией, единая фонетическая дешифровка которой является очень трудоемкой, а подчас в отношении тех или иных деталей — и совсем непосильной (из-за отсутствия соответствующих пояснений к ним). В то же время существует система графической фиксации финно-угорского и самодийского лингвистического материала, которая известна под названием финно-угорской транскрипции (ФУТ). Отклонения от этой общепризнанной и имеющей богатый арсенал диакритических знаков транскрипции можно понять лишь в тех случаях, где имеют место серьезные типографские трудности или же соображения в пользу орфографии соответствующего литературного языка. Ротапринтная техника предоставляет широкие возможности в выборе транскрипции. Пора покончить с самодеятельностью в данной области и предпринять решительные шаги с целью достижения разумного единообразия, а тем самым и общепонятности этой транскрипции: опубликование материала не является самоцелью, а направлено на то, чтобы все исследователи соответствующих языков могли бы пользоваться им. Там, где из-за технических причин нельзя использовать традиционную, основанную на латинской графике ФУТ, следует прибегать к русской графике, но исходить из общих принципов ФУТ и применять, по мере возможности, ее диакритические знаки. Очень важно, чтобы каждая буква, каждый

диакритический знак имели бы в принятой системе одно единственное значение, а не два и более. Так, например, следовало бы отказаться при фонетической транскрипции самодийского материала от распространенной ныне практики применения русских букв *е, ё, я, ю* для обозначения, с одной стороны, сочетания согласного *j* с гласными *е, о, а, и* (= *je, jo, ja, ju*), и смягчения согласных перед гласными *е, о, а, и*, с другой. По принципам ФУТ здесь лучше писать, соответственно, *йэ, йо, йа, йу* и *'э, 'о, 'а, 'у*; например, *jara* и *l'ara* по ФУТ надо транскрибировать как *йара* и *л'ара*. Все, что может вызвать непонимание или двоякое толкование в транскрипции у читателя, следует при публикации самодийского материала четко оговаривать, ссылаясь, если имеются технические возможности, на ФУТ. (Для лучшего изучения ФУТ и ее возможностей рекомендуется ротапринтное издание Института языка и литературы АН ЭССР [14].) Известно, что точная передача произношения в публикуемых материалах служит интересам лингвистического исследования: тщательно проверенные фонетические данные несут ценную информацию о многих синхронных и диахронных процессах в языке.

В фонетическом и фонологическом исследовании ряда самодийских языков, а также в изучении исторической фонетики всей самодийской группы языков в последние годы произошел заметный сдвиг. По вопросам фонетики защищено несколько кандидатских диссертаций. Диссертация Я. Н. Поповой [15] посвящена фонетическим особенностям лесного диалекта ненецкого языка. При анализе автор опирается главным образом на пуровский говор, так как на нем говорит, по всей вероятности, большинство лесных ненцев. В работе показаны звуковой состав пуровского говора и относительная частотность употреблений звуков в различных позициях в слове. Следует описание артикуляционной базы говора и основных звуковых закономерностей, сопоставляется звуковой состав лесного и тундрового диалектов, характеризуются фонетические процессы при формировании этих двух диалектов. Я. Н. Попова выдвигает интересную гипотезу, согласно которой в лесном диалекте, как и в тундровом, фонетически противопоставляются не две степени долготы гласных, а три: долгая, краткая и сверхкраткая. Автор считает фонетические изоглоссы главным доказательством генетического родства самодийских и финно-угорских языков. Было бы правильнее говорить об известной общности всего строя этих языковых групп.

Несколько диссертаций выполнены методом экспериментальной фонетики: Я. А. Глухий [16] описывает консонантизм, а В. А. Сусеков [17] — вокализм диалекта бай энецкого языка, А. К. Столярова [18] — консонантизм нганасанского языка. В кандидатской диссертации Н. В. Деннинг [19] описывается фонетика тымского диалекта селькупского языка с использованием инструментальных приемов и статистического метода.

Проблемам исторической фонетики как селькупского языка, так и всей группы самодийских языков посвящен ряд весомых работ Ю. А. Морева (см., например [20—22]), который правильно, на наш взгляд, пишет: «Чрезвычайно насущным делом для исследований по селькупской фонетике остается внедрение объективных инструментальных методов. В этом отношении сделано пока совсем мало... Между тем совершенно ясно, что без широкого применения экспериментально-фонетической методики трудно добиться объективных детализованных описаний звукового строя отдельных селькупских диалектов в их современном состоянии; следовательно, будут затруднения и в диахронических исследованиях» [22, с. 82].

Крупный вклад в решение центральной проблематики исторической фонетики самодийских языков, а также языков уральской группы в целом сделан двумя финскими учеными: П. Саммаллахти представил в 1975 г. реконструкцию вокальной системы северносамодийского праязыка [23], а в 1976 г. свою версию этой реконструкции опубликовал Ю. Янхунен [24]. В 1977 г. последовал общесамодийский этимологический словарь Ю. Янхунена [25], включающий словарные статьи с прасамодийскими реконструкциями всех тех древних самодийских слов, которые выступают

одновременно, по меньшей мере, в одном северносамодийском и в одном южносамодийском языке. Эти труды, предоставляющие в распоряжение специалистов научно обоснованную систему исторического вокализма, послужат надежной базой для прасамодийских реконструкций. Вслед за работами П. Саммаллахти и Ю. Янхунена появились исследования, в которых наблюдается стремление к развитию и уточнению отдельных положений указанных авторов, среди них статьи В. А. Терентьева [26], венгров Т. Янурика [27] и Т. Миколы [28]. Сами же П. Саммаллахти и Ю. Янхунен, углубляя исследования исторической фонетики самодийских языков, сформулировали свои взгляды на историческую фонетику всей группы уральских языков, т. е. и самодийских, и финно-угорских. В 1979 г. П. Саммаллахти публикует статью о фонетической и морфологической структуре уральского праязыка [29], а Ю. Янхунен в 1981 г. — статью о прауральской лексике [30]. В обеих статьях дается признаваемый их авторами корпус прауральской лексики (в объеме, соответственно, 140 и 214 слов).

В 1984 г. опубликованы доклады проведенных в 1979 г. в Венгрии дней уральской фонологии [31], в их числе 6 докладов по фонологии самодийских языков (Е. А. Хелимский, Ю. Янхунен, Т. Микола, Х. Катц, Ю. А. Морев и Т. Янурик). Это — шаг вперед в разработке фонематической системы самодийских языков.

Из работ в основном морфологического характера назовем, в первую очередь, четыре кандидатские диссертации, в которых рассмотрены соответственно: временные и пространственные отношения в ненецком языке — Т. Г. Перфильева [32], глагол в энецком языке — И. П. Сорокина [33], прилагательное в селькупском языке — Л. А. Алиткина [34], локальные уточнители в селькупском языке — В. В. Быконя [35]. Вопросы морфологии исследовались и в многочисленных статьях. Так, Н. М. Терещенко рассматривает генезис лично-предназначительных форм северносамодийских языков [36] и морфологические особенности нганасанского языка [37]. Ненецкому глаголу посвящена серия статей К. Лабанаускаса [например, 38]. Вопросы энецкой морфологии затрагиваются в работах И. П. Сорокиной [например, 39]. Очень много опубликовано статей по селькупской морфологии, авторами которых являются Э. Г. Беккер, П. Хайду и др. [40, 41]. Анализу разных аспектов сравнительно-исторической морфологии самодийской группы языков посвящены статьи А. Кюннапа [42—44].

Отдельно следует остановиться на исследованиях в области синтаксиса. Известно, что синтаксис самодийских (как и финно-угорских) языков изучен значительно слабее, чем фонетика, морфология и лексика этих языков. Лишь в 1973 г. вышла из печати первая монография по самодийскому синтаксису, принадлежащая перу Н. М. Терещенко: «Синтаксис самодийских языков. Простое предложение» [45]. В монографии дается синтаксический анализ всех живых самодийских языков — ненецкого, энецкого, нганасанского и селькупского. Для исследования ненецкого синтаксиса имеется достаточно много текстов, количество которых значительно пополнили и сама Н. М. Терещенко. Иначе обстоит дело с другими самодийскими языками. Необходимый для синтаксического анализа материал по энецкому и нганасанскому языкам автор собрала в 1962—1963 гг. В отношении селькупского языка Н. М. Терещенко исходит в основном из «Селькупской грамматики» Г. Н. Прокофьева и его рукописных фольклорных материалов. Наиболее крупные самодийские языки — ненецкий и селькупский — имеют значительные диалектные различия. В работе ненецкий язык представлен одним из двух его диалектов (тундровым), а селькупский — одним из трех (тазовским). Н. М. Терещенко пытается по мере возможности дать анализ современного синхронного среза самодийских языков (наиболее резким отклонением является селькупский материал, записанный Г. Н. Прокофьевым еще в 20-е годы). Монография выполнена в описательно-сопоставительном плане, но содержит и немало моментов сравнительно-исторического анализа с приведением данных финно-угорских, тюркских, а также других языков.

Поскольку сложные предложения встречаются в самодийских языках сравнительно редко и являются поздними нововведениями, то получается, что монография Н. М. Терещенко охватывает по существу все ядро самодийского синтаксиса. Автор приходит к выводу, что в значительном числе случаев в самодийских языках сохраняются древние синтаксические нормы, лишь реконструируемые для многих финно-угорских языков.

Ряд менее изученных вопросов синтаксиса современного тазовского диалекта селькупского языка (способы выражения прямого дополнения, отрицательные предложения, обстоятельственные обороты и пр.) освещается Е. В. Грушкиной в новой грамматике этого диалекта, опубликованной в 1980 г. [46, с. 354—406]. Здесь показывается, что синтаксис диалекта со времен Г. Н. Прокофьева претерпел значительные изменения. Отметим в качестве примера таких изменений все растущее распространение сложных союзных предложений. Проблемы самодийского синтаксиса нашли отражение и в некоторых докладах на V Международном конгрессе финно-угроведов (Турку, 1980) [см. 47, 48]. Но целый ряд частных вопросов самодийского синтаксиса еще не изучен, неравномерно исследован синтаксис различных самодийских языков, их диалектов и говоров. В этой области предстоит немалая работа, прежде всего сбор текстового материала и синтаксический опрос, в том числе при помощи специальных тестов.

Вообще отрадно отметить появление в печати ряда монографических работ. Трудно переоценить важность книги Н. М. Терещенко «Нганасанский язык» [49] — первого монографического описания этого языка, сделанного на основании обширного материала, собранного самим автором. Важным событием является также выход новой грамматики тазовского диалекта селькупского языка А. И. Кузнецовой, Е. А. Хелимского и Е. В. Грушкиной [46]. Здесь не только множество новых данных по тазовскому диалекту, ранее известному по грамматике 1935 г. Г. Н. Прокофьева, но и современный методический подход к анализу этих данных, обогащающий методологический арсенал всей самодийской лингвистической науки [см. подробнее 50]. Три монографии в основном морфологического характера выполнены в синхронном и диахронном плане. Первая из них написана Т. Миколой и посвящена анализу древних послелогов ненецкого языка [51]. В своей теоретической части эта книга выходит далеко за рамки анализа ненецких послелогов: автор выдвигает свои гипотезы о развитии послелогов и надежной системы не только в самодийских, а во всех уральских языках, гипотезы, которые уже привлекли самое широкое внимание. В труде Э. Г. Беккер [52] рассматривается категория падежа в селькупском языке с привлечением большого количества стройно классифицированного и проанализированного нового материала по всем диалектам этого языка, что делает данное исследование особенно ценным. Книга А. Кюннапа [53] посвящена сравнительно-историческому анализу глагольного словоизменения и глагольных имен камасинского языка. В ней использован камасинский языковой материал, записанный автором у последних носителей этого языка, а также неопубликованные редкие архивные записи по разным самодийским языкам, начиная со времен М. А. Кастрена. В виде отдельной книги [54] в 1975 г. были переизданы четыре статьи известного венгерского самодиста и уралолиста П. Хайду (в переводе с венгерского языка).

Из сборников, издающихся в Томске, Новосибирске и Омске и постоянно публикующих работы по самодийским языкам, хочется особо выделить два наиболее богатых статьями по самодистике [55—56]. В ознаменование шестидесятилетия П. Хайду его коллеги выпустили сборник, из 43 статей которого 10 посвящены полностью или частично самодийским языкам [57]. Я. Пустаи составил на основании материала, который в свое время собрал Т. Лехтисало, грамматический очерк пуровского говора лесного диалекта ненецкого [58]. Предпринята серьезная попытка достичь единообразия в диалектологическом членении как самодийских, так и финно-угорских языков: в 1984 г. в Гамбурге состоялся симпозиум «Dialectologia Uralica» (тезисы докладов опубликованы, см. [59]).

На данном этапе развития уралистики крайне необходима разработка проблем взаимосвязей самодийских языков с финно-угорскими. Выявление и точное исследование этих связей имеет сейчас особое значение для изучения истории уральских языков. Наибольший интерес представляют контакты угорской группы финно-угорских языков с самодийскими языками. Попытка изложить весь корпус древних угорско-самодийских языковых связей делается впервые в кандидатской диссертации Е. А. Хелимского [60], где выдвигается принципиально новая схема разветвления и группировки самодийских языков, уточняются некоторые методические приемы сравнительно-исторической уралистики и вводится в научный обиход редкий архивный материал по самодийским языкам. Автор идентифицирует найденные в архиве записи ранее неизвестного юрацкого (старовосточного) диалекта ненецкого языка с переходным диалектом, занимающим промежуточное положение между ненецкими и энецкими диалектами. Далее автор устанавливает, что так называемые маторский, тайгйский и карагасский языки являются лишь диалектами одного и того же самодийского языка (маторско-тайгйско-карагасского = МТК), отвергает предположение о наличии следов сойотского языка в качестве особого представителя самодийской группы языков, объединяет так называемые камасинский и койбалский языки в качестве двух отдельных диалектов в один и тот же язык (камасинский). Есть все основания считать, вслед за Е. А. Хелимским, что шесть языков, обычно перечисляемых как саяно-самодийские, сводятся лишь к двум: МТК и камасинскому.

Традиционно считается, что самодийский праязык распался сначала на северно- и южносамодийский праязыки. Но Е. А. Хелимский приходит к выводу, что южносамодийского языка никогда и не существовало: прасамодийский распался сразу на четыре ветви — северносамодийский (давший позже ненецкий, энецкий и нганасанский языки), селькупский, МТК и камасинский. Он не находит в самодийских языках указаний на постепенный характер дивергенции этих четырех ветвей, связанной с расширением территории распространения самодийского праязыка, как, например, в финно-угорской языковой группе. Следовательно, произошел резкий распад сравнительно единой прасамодийской языковой общности, сразу оборвавший связи между четырьмя ее частями. Такой вывод автора представляется вполне убедительным. Общности производственной и бытовой лексики в самодийско-обско-угорских языках был посвящен интересный доклад М. Бармиц на V Международном конгрессе финно-угроведов [61].

Внимание исследователей привлекают ареальные связи самодийских языков, их контакты с другими уральскими и иносистемными языками. Из важнейших работ по этой проблематике следует назвать статью Б. А. Серебрянникова об ареальных особенностях ненецкого языка [62], в которой он указывает на определенный южный характер ненецкой и вообще самодийской лексики, на общие черты ненецкого с эвенским и эвенкийским языками, на контакты самодийских языков с обско-угорскими и коми языками, а также на возможные следы в ненецком языке влияния языка народа сиртя. В своей статье о языковых контактах в Северо-Западной Сибири [63] П. Хайду перечисляет ряд явлений, общих для большинства языков Северной Сибири: шесть фонологических изоглосс, спряжение имен, объектное спряжение, дефектность или отсутствие инфинитива, притяжательные суффиксы и двойственное число. В ареале Северо-Западной Сибири можно предположить наличие языкового союза между обско-угорскими, ненецким и селькупским языками: суффиксальное выражение настоящего времени, появление аудитива, суф. 2-го лица -н и пр. Имеются и микроареалы, например, северные говоры хантыйского и мансийского языков и тундровый диалект ненецкого языка или восточные говоры хантыйского языка и лесной диалект ненецкого языка. Недостаточно обоснованными представляются теперь поиски ряда морфологических параллелей в самодийских и енисейских языках [см. 64]. Несколько статей посвящено тюркизмам в самодийских языках [например, 65—66]. Появились обзорные статьи Ю. Янхунена о самодийско-

алтайских [67] и ранних самодийско-индоевропейских контактах [68]. Старым русским заимствованиям в южносамодийских языках посвящена статья А. Кюннапа [69], а селькупским заимствованиям в русских говорах — статья Е. А. Хелимского [70]. Данные новейших всесоюзных переписей населения о владении самодийцами русским языком приводятся в статье А. Кюннапа [71]. Я. Пустай исследует влияние русского языка на ненецкий язык [72] и связи палеосибирских языков с самодийскими и финно-угорскими [73].

Много предстоит еще сделать в области изучения языка самодийского фольклора: пока соответствующих работ совсем немного [например, 74—75]. Дальнейшее развитие получили самодийская топонимика и ономастика. Здесь можно отметить статьи Э. Эрнита [76], Т. Марка (ВНР) [77] и Е. А. Хелимского [78]. Имеется удачная попытка предварительного определения ранних этапов этногенеза и этнической истории самодийцев на основании языковых данных [79].

Следует упомянуть и ряд работ общеуральского характера, в которых уделяется внимание вопросам самодийского языкознания. К ним относятся: статья Б. А. Серебrenникова о строе ранней стадии прауральского языка [80], работа Е. А. Хелимского о тональных оппозициях в уральских языках [81], обзор лингвистической проблематики Северной Евразии А. И. Йоки [82] и докторская диссертация К. Хяккинен, посвященная теории и методике этимологического исследования лексики уральских языков [83].

В связи с принятием Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» ожидалась работа по дальнейшему усовершенствованию ненецкой письменности и преподаванию ненецкого языка. Появилось новое пособие для учащихся начальной школы в виде Ненецко-русского/Русско-ненецкого словаря Н. М. Терещенко с перечнем основных способов передачи значений служебных слов и приставок русского языка средствами ненецкого языка [84]. Переиздан учебник по родному языку для подготовительного класса ненецкой начальной школы А. И. Рожина [85]. Немного ранее были выпущены две хрестоматии на ненецком языке для подготовительного — первого классов [86] и второго—третьего классов [87], а также методическое пособие для учителей ненецкой начальной школы [88]. Вышли из печати также новые обобщающие и теоретические работы по проблемам ненецкой письменности [89—92].

В итоге можно сказать, что самодийское языкознание добилось за последнее десятилетие значительных результатов, но очень много еще предстоит сделать. Все еще нет сопоставительной грамматики самодийских языков. (Сейчас составляется 1-й том — «Имя существительное» из серии исследований «Сопоставительная морфология самодийских языков» объединенными усилиями ленинградских, тартуских и томских самодистов под руководством Н. М. Терещенко и при участии А. П. Володина, А. Кюннапа, Ю. А. Морева, И. П. Сорокиной.) Отсутствуют описания некоторых диалектов и говоров. Недостаточно развернута работа по ареальным исследованиям. В то же время отрадно отметить, что расширились и окрепли исследовательские кадры, собран большой лингвистический материал, пополнился методологический арсенал, налажены контакты между научными центрами. Все это создает хорошие предпосылки для дальнейшей успешной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терещенко Н. М. Основные проблемы изучения самодийских языков. — ВЯ, 1975, № 1.
2. Sammallahti P. Material from Forest Nenets. Helsinki, 1974.
3. Попова Я. Н. Ненецко-русский словарь. Лесное наречие. Szeged, 1978.
4. Katzschmann M., Pusztay J. Jenissej-Samojedisch (Enzisches) Wörterverzeichnis. Hamburg, 1978.
5. Katz H. Selcupica I. Materialien von Tym. München, 1975.

6. Katz H. Selkupica II. Erzbischof Makarijs «Besědy ob istinnom Bogě i istinnoj věřě na narěčii obskich ostjakov» von 1900. München, 1976.
7. Katz H. Selkupische Quellen. Ein Lesebuch. Wien, 1979.
8. Helinski E. The language of the first Selkup books. Szeged, 1983.
9. Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1980.
10. Сказки народов Сибирского Севера. IV. Томск, 1981.
11. Künnap A. Kamassilaisia tekstejä I.—Fenno-ugristica. 2. Tartu, 1976.
12. Künnap A. Kamassilaisia tekstejä II.—Fenno-ugristica. 3. Tartu, 1976.
13. Хелимский Е. А. Лексикографические материалы XVIII — начала XIX в. по саяно-самодийским языкам.— В кн.: Языки и топонимия. VI. Томск, 1978.
14. Венде К. Финно-угорская транскрипция (ФУТ) в историческом аспекте и в сопоставлении с международным алфавитом (МФА). Таллин, 1967.
15. Попова Я. Н. Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. М., 1978.
16. Глухий Я. А. Консонантизм энецкого языка (диалект бай) по экспериментальным данным: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Новосибирск, 1976.
17. Сусеков В. А. Вокализм энецкого языка. (Экспериментально-фонетическое исследование на материале диалекта бай): Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Новосибирск, 1977.
18. Столярова А. К. Консонантизм иганасанского языка. (По экспериментальным данным): Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Новосибирск, 1977.
19. Денинг Н. В. Фонетика тымского диалекта селькупского языка: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Томск, 1981.
20. Морев Ю. А. Фонетические параллели в диалектах ненецкого и селькупского языков.— Советское финно-угроведение, 1984, вып. XX.
21. Морев Ю. А. Объективность лингвистических данных и пути реконструкции в селькупском языке.— Fenno-ugristica. 8. Tartu, 1981.
22. Морев Ю. А. К происхождению геминации и долготы согласных в самодийских языках.— In: Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20.— 27.VIII 1980. Turku, 1981, p. VI.
23. Sammallahti P. Über das Vokalsystem des Urnordsamojedischen.— FUF, 1975, Bd. 41.
24. Jahnunen J. Adalékok az északi-szamojéd hangtörténetéhez: az első szótagi magánhangzók.— Néprajz és Nyelvtudomány, 1975—1976, t. XIX—XX.
25. Jahnunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.
26. Терентьев В. А. К вопросу о реконструкции прасамодийского языка.— Советское финно-угроведение, 1982, вып. XVIII.
27. Janurik T. Szamojéd hangmegfelelések. I. Mássalhangzók.— Nyelvtudományi Közlemények, 1982, k. 84.
28. Mikola T. Alalékok a szelkup vokalizmus történetéhez.— Néprajz és Nyelvtudomány, 1980—1981, t. XXIV—XXV.
29. Sammallahti P. Über die Laut- und Morphemstruktur der uralischen Grundsprache.— FUF, 1979, Bd. XLIII.
30. Jahnunen J. Uralilaisen kantakielen sanastosta.— JSFOu, 1981, t. 77, № 9.
31. Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen. Budapest, 1984.
32. Перфильева Т. Г. Выражение временных и пространственных отношений средствами ненецкого языка: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Новосибирск, 1974.
33. Сорокина И. П. Морфология глагола энецкого языка: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1975.
34. Алиткина Л. А. Имя прилагательное в селькупском языке: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Томск, 1978.
35. Бикоя В. В. Структурно-семантическая характеристика локальных уточнителей в селькупском языке: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Томск, 1980.
36. Терещенко Н. М. К генезису лично-предназначительных (дезидеративных) форм северосамодийских языков.— Fenno-ugristica. 4. Tartu, 1977.
37. Терещенко Н. М. Некоторые морфологические особенности иганасанского языка.— In: Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum Tallinnae habitus 17.— 23.VIII 1970. Tallinn, 1975, p. 1.
38. Лабанаускас К. К изучению прошедших времен ненецкого и энецкого языков.— Советское финно-угроведение, 1982, вып. XVIII.
39. Сорокина И. П. Послелогии энецкого языка.— Советское финно-угроведение, 1984, вып. XX.
40. Беккер Э. Г. Выражение числовых отношений в диалектах селькупского языка.— В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1981.
41. Hajdy P. Das sölkupische Translativsuffix -wlä.— FUF, 1974, Bd. XL.
42. Künnap A. Samojedikielten k- ja s-infinitivien alkuperästä.— In: Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku, 1981, p. VI.
43. Künnap A. Zur Geschichte des Lativs und des Plurals im Samojedischen.— Советское финно-угроведение, 1981, вып. XVII.
44. Künnap A. Über den Hintergrund einiger samojedischer Negationsformen.— Nyelvtudományi Közlemények, 1983, k. 85.
45. Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. Л., 1973.
46. Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. I. М., 1980.

47. Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20.—27.VIII 1980. Turku, 1980, p. III.
48. Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20.—27.VIII 1980. Turku, 1981, p. VI.
49. Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л., 1979.
50. Кюннап А. — Советское финно-угроведение, 1981, вып. XVII. — Рец. на кн.: А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. I. М., 1980.
51. Mikola T. Die alten Postpositionen des Nenzischen (Juraksamojedischen). Budapest, 1975.
52. Беккер Э. Г. Категория падежа в селькупском языке. Томск, 1978.
53. Künnap A. System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe II. Verbalflexion und Verbalnomina. Helsinki, 1978.
54. Hajdú P. Samojedologische Schriften. Szeged, 1975.
55. Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983.
56. Вопросы енисейского и самодийского языкознания. Сборник научных трудов. Томск, 1983.
57. Urálsztikai tanulmányok. (Hajdú Péter 60. születésnapja tiszteletére.) Budapest, 1983.
58. Pusztay J. Die Pur-Mundart des Waldjurakischen. Szeged, 1984.
59. Dialectologia Uralica. Erstes internationales Symposium zur Dialektologie der uralischen Sprachen 4.—7. September 1984 in Hamburg. Hamburg, 1984.
60. Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М., 1982.
61. Барвич М. Самодийско-угорские языковые контакты. — In: Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku, 1980, p. III.
62. Серебренников Б. А. О некоторых ареальных особенностях ненецкого языка. — В кн.: Теория языка. Ангlistика. Кельтология. М., 1976.
63. Hajdú P. Language contacts in North-West Siberia. — Fenno-ugrica suecana. Journal of Finno-Ugric research in Sweden, 1979, № 2.
64. Кюннап А. К вопросу о некоторых гипотетических самодийско-енисейских морфологических соответствиях. — В кн.: Финно-угорские народы и Восток. Тарту, 1978.
65. Тенишев Э. Р. О тюркизмах в селькупском языке. — MSFOu, 1977, t. 158.
66. Терентьев В. А. Древнейшие заимствования из тюркских языков в самодийские. — В кн.: Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983.
67. Janhunen J. Samoyed-Altai contacts: Present state of research. — MSFOu, 1977, t. 158.
68. Janhunen J. On early Indo-European-Samoyed contacts. — MSFOu, 1983, t. 185.
69. Кюннап А. Русские лексические заимствования в южносамодийских языках (XIX — нач. XX вв.) — Fenno-Ugristica. 6. Tartu, 1980.
70. Хелимский Е. А. Селькупские заимствования в русских диалектах. — Советское финно-угроведение, 1983, вып. XIX.
71. Künnap A. Uurali keelte valdajaskond Nõukogude Liidus 1959—1979. — Keel ja Kirjandus, 1983, № 1.
72. Пустай Я. Влияние русского языка на ненецкий язык (с параллелями из других финно-угорских языков). — Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio linguistica, 1975.
73. Pusztay J. Az uráli-paleosziibériai kapcsolatok kérdéséhez. — A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai, 1980, sz. 158.
74. Терещенко Н. М. О некоторых особенностях языка фольклора ненцев. — Советское финно-угроведение, 1980, вып. XVI.
75. Hajdú P. Stilistisch motivierte und gattungsbedingte Änderungen in den uralischen Sprachen. — In: Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku, 1980, p. I.
76. Эрнште Э. К происхождению уральских этнонимов с основой *sa(a)m-*. — Советское финно-угроведение, 1984, вып. XX.
77. Mark T. Über das System der Verwandtschaftsnamen im Samojedischen. — FUF, 1977, Bd. 42.
78. Хелимский Е. А. Этимологические заметки по энецкой ономастике. — Советское финно-угроведение, 1981, вып. XVII.
79. Хелимский Е. А. Ранние этапы этногенеза и этнической истории самодийцев в свете языковых данных. — В кн.: Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983.
80. Serebrennikov B. A. Strukturmerkmale der frühuralischen Grundsprache. — UAJI, 1973, Bd. 45.
81. Хелимский Е. Тональные оппозиции в уральских языках. — Nyelvtudományi Közlemények, 1977, k. 79.
82. Joki A. J. Affinität und Interferenz in den Sprachen des nordeurasischen Areals. — In: Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapest, 1981, k. I.
83. Häkkinen K. Suomen kielen vanhimmaasta sanastosta ja sen tutkimisesta. Suomalais-ugrilaisien kielten etymologisen tutkimuksen perusteita ja metodiikkaa. Turku, 1983.

84. *Терещенко Н. М.* Словарь. Ненецко-русский. Русско-ненецкий. Л., 1982.
85. *Рожин А. И.* Ненецкий язык. Чтение, письмо. Учебник для подготовительного класса ненецкой начальной школы. 3-е изд. Л., 1981.
86. *Вы' терко.* Л., 1980.
87. *Лапуцуй Л. В.* Книга для дополнительного чтения во втором—третьем классах ненецких школ. Л., 1979.
88. Книга для учителя ненецкой начальной школы. Л., 1979.
89. *Терещенко Н. М.* Юбилей ненецкой письменности.— Советское финно-угроведение, 1982, вып. XVIII.
90. *Убрятова Е. И.* Создание письменности на языках народов Севера в СССР.— В кн.: Письменность народов Сибири. Новосибирск, 1981.
91. *Скорик П. Я.* Научно-исследовательская и научно-практическая работа в области палеоазиатских и самодийских языков.— В кн.: Письменность народов Сибири.
92. *Селицкая И. А.* О «звонком гортанном смычном» в самодийских языках и о составе алфавита ненецкого языка.— В кн.: Лингвистические исследования. 1981. М., 1981.